

Воздух в палате стал тяжёлым, как будто комната замерла, стараясь не нарушить хрупкую тишину.

Едва слышные всхлипы Фу Гэ напоминали жалобный писк новорожденного котёнка, сжимающегося от холода. Его слёзы скользнули по лицу, но внутри что-то болезненно сжалось, как будто этот звук мог проникнуть в кости и оставить там след.

Ци Хань никогда не видел такой горькой боли. Или, может, это было не столько из-за его слёз, сколько из-за того, что эти слёзы были у Фу Гэ. Даже несколько капель могли показаться невыносимыми.

В груди всё медленно растекалось, становясь липким, словно сердце превратилось в мягкую, бесформенную массу, сжатую в ладонях Фу Гэ. Почти до боли, с каждым моментом растягиваясь всё больше.

Ещё одна слеза — и оно бы окончательно сжалось, как испуганный моллюск в раковине.

Это не имело значения — настоящее или ложное. Он не мог, не хотел, не умел видеть Фу Гэ таким.

Ци Хань присел перед ним, на мгновение забыв обо всём, что между ними было. Ладонь мягко скользнула по его щеке, осторожно провела под глазами, стирая слёзы, замирая у уголка его глаза.

— Не плачь, — голос был низким, — я не буду спрашивать, хорошо? Мне всё равно, правда это или нет, просто перестань...

Фу Гэ всхлипнул ещё сильнее. Казалось, слова только прорвали ту плотину, что сдерживала его эмоции, и теперь слёзы катились бесконтрольно.

Он судорожно вздохнул, а потом, не зная, что ещё сделать, раскинул руки.

— Обнять тебя?

Фу Гэ, словно маленькое, растрёпанное животное, потёрся щекой о его ладонь, нос уткнулся в кожу, а губы прошептали сквозь прерывистый вдох:

— Да...

Одно движение — и вот он уже в его руках.

Ци Хань легко подхватил его, ладони крепко обхватили его бедра, а тонкие, почти фарфоровые лодыжки мягко свисали по бокам его рук. Из-под широкой штанины больничной пижамы выглядывал тонкий белый браслет — хада, подаренная когда-то давно. Маленький серебряный молитвенный барабан чуть дрогнул, покачиваясь в такт их дыханию.

— Крепче... — Фу Гэ прошептал еле слышно.

Ци Хань усмехнулся, чуть сильнее сжимая его в руках, и, прижимаясь губами к тёплой коже за ухом, пробормотал с ласковой насмешкой:

— Прилипчивая крошка.

Фу Гэ больше не думал о том, как нелепо и унизительно он выглядит — слёзы, размазанные по лицу, голос, дрожащий на каждом вздохе. Всё это перестало иметь значение. Теперь он хотел только одного — чтобы Ци Хань держал его как можно крепче, чтобы их дыхание сливалось в одно, чтобы их сердца бились в унисон, потому что только так можно было почувствовать, что они настоящие, что это не очередная иллюзия, которая вот-вот рассыплется.

Два человека, давно оставившие надежду на что-то большее, стали друг для друга единственным доказательством того, что в этом мире всё ещё есть воздух, тепло и прикосновения. Пять лет, потраченные в пустую, поглощённые обидами, страхом и отчаянием, и вот теперь, наконец, они снова вместе, без возврата.

— Сейчас ты можешь отличить реальность от иллюзии?

Фу Гэ крепко обхватил его шею, глаза, влажные и покрасневшие, блеснули в полумраке. Медленно, прижимаясь щекой к его лицу, он прошептал:

— Я настоящий или нет?

— Настоящий, — ответил Ци Хань, не колеблясь. — Фантом не стал бы меня обнимать.

Призраки прошлого только мучают, разрывают на части, ломают. Они не способны на сострадание, на нежность, на это тихое, крепкое, почти беззвучное объятие.

Но Фу Гэ знал: каждое наваждение, каждый призрак, которого он когда-то сам создавал, был отражением реального кошмара. И он помнил, как совсем недавно его собственный образ в чьих-то воспоминаниях был чудовищем.

Тихий вздох, дрожь, едва заметная, но ощутимая. Ещё одна слеза, скатившаяся по его щеке, упала на лицо Ци Ханя, смешавшись с дыханием.

— Что... что он сделал с тобой?

Губы Ци Ханя дрогнули, напряглись. На мгновение он даже не мог говорить, заставив себя выровнять дыхание, чтобы выдать ответ.

— Он... вытер моим мишкой пыль.

Фу Гэ замер.

— Цветы, что мне подарил брат, печать, которую ты для меня вырезал — всё было раздавлено, разбито, уничтожено. Это были мои вещи... Это были твои подарки...

Он не добавил больше ни слова, но Фу Гэ знал, что за этими фразами скрывается нечто гораздо большее, чем два сломанных предмета.

Он знал о комнате 404 в больнице Шэндэ, той, где хранились все их следы.

Когда-то он сам раздавил его кольцо. Разрезал его хааду. Сжёг его память.

Раны, оставленные тогда, не заживали. Они превратились в страхи, врезались в подсознание, прочно закрепились в его разуме. И теперь каждый подарок, каждое прикосновение чего-то хорошего вызывало ужас: а вдруг это снова исчезнет? Вдруг снова кто-то отнимет, сломает, вырвет из рук?

Этот страх останется с ним надолго. Может быть, даже на всю жизнь. Даже спустя годы, когда Фу Гэ снова протянет ему подарок, в глубине сознания будет мелькать образ той же самой дрожащей тени, той же жестокой, холодной фигуры, которая в один миг превратит всё в прах.

Счастье никогда не бывает чистым. Оно всегда смешано с болью, с воспоминаниями, с призраками прошлого, прячущимися в тенях. Может быть, он уже никогда не сможет радоваться без оглядки, без страха, без ощущения, что что-то неизбежно разрушится.

— Я научу тебя отличать реальность от иллюзий, хочешь? — сказал Фу Гэ легко, почти игриво, но в его голосе слышалась глубина.

Ци Хань посмотрел на него растерянно:

— Как?

— Всё просто. Если вдруг я снова сделаю тебе больно... просто раскрой руки и обними меня.

Он улыбнулся — мягко, просто, как будто это и был единственно правильный ответ.

— Иллюзия рассыплется при столкновении, но настоящий Фу Гэ всегда поймает тебя.

Ци Хань замер. Две секунды. Три. Потом его сердце сжалось, скрутилось в тугой, рваный узел.

— Ты... ты тоже так пытался? — его голос сорвался, стал хриплым. — Когда видел меня в своих галлюцинациях... Ты тоже так делал?

Фу Гэ улыбался, но улыбка уже застыла, потрескалась по краям.

— Да... — выдохнул он. — Только ты... никогда не ловил меня.

Пять лет. Пять долгих лет он пытался докричаться, пытался схватить руки, которые всякий раз ускользали, проходили сквозь него. Бился о стены, разбивался в кровь, снова и снова пробивался через бесконечную тьму, пока не вытащил себя наружу.

Так он научился спасаться. Так он вырвался из своих кошмаров.

И именно поэтому, когда Ци Хань путался в реальности, он не мог просто смотреть на это. Ему было легче полоснуть себя по коже, чем позволить ему снова остаться одному в этой тьме. Потому что он знал, как больно идти в одиночку.

— С этого дня, всегда, при любых обстоятельствах, я буду ловить тебя, — голос Ци Ханя дрожал, но в нём была такая неоспоримая сила, что это звучало как клятва, высеченная на камне. — Мой маленький Гэ... Больше ты не испытаешь ни капли боли.

Фу Гэ тихо засмеялся. Тепло, выдохом, словно уткнувшись лицом в самое родное, самое привычное место на свете — в его плечо.

— Знаешь, — пробормотал он, прижимаясь носом к его шее, — в детстве отец тоже так меня обнимал...

— Тогда теперь я буду обнимать тебя так же. И неважно, что это будет — семья, любовь, всё, что ты захочешь, ты возьмёшь у меня.

Ци Хань поднял его повыше, немного покачал, убаюкивая, как маленького ребёнка, как будто снова хотел убедить его, что всё будет хорошо, что теперь никто не заставит его падать.

— Ладно, но тогда подожди немного, — Фу Гэ улыбнулся. — Вот выпишут меня, подправлю здоровье — тогда я буду держать тебя так.

Я тоже могу быть твоей семьёй. Я тоже могу тебя защищать.

Ци Хань фыркнул, усмехнувшись — низко, чуть насмешливо, но в его взгляде было что-то слишком мягкое, чтобы усмешка звучала по-настоящему.

— Ты? Так меня обнимать?

Он был выше на голову, шире в плечах, тяжелее, сильнее. Фу Гэ, даже в лучшие свои времена, мог легко оказаться в его руках, но никогда — наоборот.

— Большие слова, — сказал Ци Хань, покачивая его в руках, словно проверяя вес. — А если я тебя раздавлю?

Фу Гэ протянул задумчивое, ленивое «О-о-о», запрокинул голову и, приподнявшись, накрыл его кадык тёплыми губами. Один раз. Второй. Короткие, лёгкие, дразнящие, оставляющие после себя лишь раздражённую потребность в большем. Он почти мурлыкнул, как будто лениво напоминая:

— Думаешь, ты меня ещё недостаточно раздавил?..

Это было настолько откровенно, настолько открыто, что даже ему самому казалось немного неловким. Но в этой неловкости чувствовалась трогательная честность. Ци Хань понимал: это не просто заигрывание. Это его способ успокоить, отвлечь, дать почувствовать, что здесь, рядом, всё ещё живое.

Альфа чуть склонился, опускаясь ближе, носом коснулся его, провёл по коже, по тёплому, мягкому лицу, по губам, выдохнул:

— Пойдём на кровать, хорошо?

— Ты устал? — Фу Гэ напрягся, вскинув на него тревожный взгляд. — У тебя снова болит рука?

— Нет, всё в порядке.

Фу Гэ расслабился, доверчиво прижался ближе.

— Тогда не пойду. Ещё не наобнимался.

Ци Хань усмехнулся. Смех у него был низкий, приглушённый, но от него что-то вибрировало внутри, прокатывалось теплом по коже.

— Но я уже не могу ждать.

— Мм? — Фу Гэ поднял на него глаза. — Чего ждать?

Он не успел договорить — слова соскользнули с губ вместе с поцелуем. Коротким, но настойчивым, таким, что воздух внутри сразу стал густым, горячим, липким.

— Я был в коме пять дней, потом ещё эта чёртова галлюцинация, — Ци Хань наклонился ниже, дыхание срывалось с губ, тёплое, требовательное. — Будь хорошим мальчиком. Дай мне поцеловать тебя.

Фу Гэ очнулся на больничной койке, руки мягко упёрлись в его грудь, дыхание сбивалось, голос стал тягучим, чуть простуженным, срывающимся на шёпот:

— Тише... тише... Врач говорил, что тебе нельзя делать резких движений...

— Конечно, конечно... — Ци Хань пробормотал что-то невнятное, совсем не слушая, а потом лениво провёл пальцем по его губам, раздвигая их. — Ты пить хочешь? Может, сначала воды?

Фу Гэ посмотрел на него из-под ресниц, уголки глаз чуть вспыхнули возмущённым румянцем.

— Нет. — Он медленно потянулся ближе, губы дрогнули в тихом, почти капризном упрёке. — После этого я всегда... слишком сыт.

Ци Хань фыркнул. Глухо, довольно. Потом бросил взгляд на часы.

— Сейчас два часа. У тебя есть дела? Может, хочешь побыть с Сяо Дзюэ?

Фу Гэ покачал головой, едва заметно.

— Нет. Он пошёл спать.

— Хороший мальчик... — Ци Хань пробормотал это, лениво касаясь губами его нижней губы, едва сжимая её в мягком, задумчивом укусе. — Тогда до пяти ты отсюда не выйдешь.

— Эй! погоди, стой...! — Фу Гэ вздрогнул, дёрнулся в сторону, тщетно пытаясь вырваться. — У тебя же ещё дела...

Он повернул голову, пытаясь отстраниться, но Ци Хань только усмехнулся, лениво, не обращая внимания на его попытки сопротивляться.

— В четыре... — Фу Гэ задыхался, его голос сбивался на полуслове. — В четыре врача должны прийти... поменять тебе повязку...

— Так вот оно что, — Ци Хань, не переставая, провёл пальцем по краю его уха, коснулся чувствительной кожи за ним, а потом, словно между делом, сунул ему в руки телефон. — Позвони им. Скажи, чтобы пришли после пяти.

— Нет! — Фу Гэ вцепился в его запястье, пытаясь отстранить его. — Перевязку нельзя откладывать, твоя рана... ммф...

Он судорожно выдохнул, дёрнулся, когда пальцы Ци Ханя скользнули по чувствительному месту, и в этот момент почувствовал, как тот уже расстёгивает верхнюю пуговицу его больничной пижамы, проскальзывает губами вниз, прижимаясь к коже нетерпеливым, горячим поцелуем.

— Тогда пусть подождут за дверью. Я тоже не могу ждать.

Ци Хань был всё тот же — не любил говорить о своих ранах, не любил показывать слабость, но всегда выдавал себя иначе: слишком долгими прикосновениями, внезапной жадностью, желанием держать Фу Гэ как можно ближе, будто он мог раствориться, если ослабить хватку.

Никто больше не упоминал про галлюцинацию. Никто не пытался разбирать слова, копаться в причинах.

Ци Хань не хотел, чтобы Фу Гэ видел его сломленным. Он не хотел жалости, не хотел лишних вопросов. Всё, что он чувствовал сейчас, бурлило внутри, кипело, как встряхнутая до предела банка газировки, готовая взорваться в любую секунду.

Анализ, сожаления, раскаяние — всё это подождёт. Разбитым, исцарапанным, измученным любовникам нужно было совсем другое.

Им нужно было сжечь друг друга дотла.

Ци Хань скользнул губами за ухо Фу Гэ, ощущая, как его дыхание сбивается, тело напрягается под каждым прикосновением. Он чувствовал, как тот вздрагивает, когда тёплый выдох касается шеи.

— Всё ещё чувствительно здесь? — пробормотал он, прижимая ладонь к его затылку.

Одна рука крепко держала его за подбородок, заставляя запрокинуть голову, оголяя шею. Вторая зарылась в волосы, медленно перебирая их в такт сбившемуся дыханию Фу Гэ.

Он не торопился. Издевался. Дразнил.

Как капризного котёнка, которого то ласкал, то хватал слишком крепко, не давая сбежать.

— Не... не кусай всё время одно место... — Фу Гэ зажмурился, его голос дрожал, пальцы сжимались крепче. — Оно же опухнет...

Щёки покраснелись, кожа горела, дыхание горячее и сбивчивое, но он всё ещё пытался что-то сказать.

— Внизу... — он сглотнул, глаза затуманились, губы дрогнули. — Сделай тебе...

Ци Хань молчал.

Его взгляд потемнел. Рука резко дернулась, и ткань с треском разошлась, открывая бледную кожу.

Он склонился ниже, впиваясь в ключицу с нетерпеливым голодом.

— А рана? Всё ещё болит? — выдохнул он прямо в чувствительную кожу.

Фу Гэ крепко обнял его за шею, слабо качнул головой, пальцы запутались в мягких волосах. Каждое место, к которому прикасались горячие губы, отзывалось лёгкой дрожью.

— Не больно... — голос был тихий. — А даже если и больно... неважно...

— Ты... — Ци Хань на секунду замер, глаза потемнели, а потом резко впился в его кожу, оставляя невидимый, но ощутимый след. Одна рука скользнула к затылку, крепко обхватила его волосы, вынуждая запрокинуть голову, а другая осторожно скользнула вдоль его позвоночника, словно проверяя, как тот дрожит.

На влажной от пота коже застыло выражение, которое он знал слишком хорошо.

— Тебе нравится? — дыхание касалось губ, тёплое, требовательное. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой.

А потом резкое движение, короткий удар — и изголовье кровати глухо стукнулось о стену.

— А-а...!

Фу Гэ дёрнулся, судорожно сжал губы, дыхание сбилось, мысли рассыпались, и он машинально прижал к лицу руку, пытаясь заглушить слишком громкий звук.

Но Ци Хань не позволил.

— Нет.

Фу Гэ моргнул, замер, в янтарных глазах блеснула растерянность. Капля слезы соскользнула с ресниц, смешалась с жарким румянцем на его щеках.

— А-Хань... здесь... стены тонкие...

Ци Хань усмехнулся, но улыбка получилась какая-то... слишком прозрачная.

Он ведь знал, что делает. Знал, насколько неправильно ведёт себя сейчас. Знал, что уже давно должен был остановиться.

Но внутри всё сводило судорогой.

— Гэ... просто скажи... хотя бы раз... — он прижался ближе, губы касались чувствительной кожи, а голос звучал едва слышно, вкрадчиво. — Ты уже много лет... не позволял мне вот так...

Фу Гэ резко закрыл глаза, потом, поколебавшись секунду, убрал ладонь от губ, хрипло прошептал:

— Тогда... я просто... буду тише...

Фу Гэ знал, что Ци Хань всегда был жадным.

Восемнадцатилетний Ци Хань не умел контролировать себя. Он требовал слишком многого, не оставляя ни единого шанса на передышку. Он всегда заполнял пространство вокруг себя, оставляя ощущение, будто тебя полностью захватили, подмяли, подчинили.

Ци Хань не только целовал — он изучал, подчинял, делал так, что у Фу Гэ срывало дыхание, мысли запутывались, а любое слово теряло смысл.

Фу Гэ не чувствовал запаха альфа-феромонов, но ему и не нужно было.

Всё это ощущалось иначе. В прикосновениях. В том, как Ци Хань требовал всего и сразу, оставляя после себя опустошённость, которой невозможно было насытиться.

Тогда, в их юности, это было единственным способом почувствовать друг друга по-настоящему.

Сейчас — стало чем-то большим. Потому что даже спустя столько лет их тела помнили, как двигаться друг к другу.

— Не перегибай... м-м... — Фу Гэ зажмурился, стиснул губы, стараясь сдержаться, но одно движение, одно прикосновение — и его тело снова поддалось, снова предало его, реагируя на каждый жест, как на импульс тока. — Мне ещё вечером нужно выйти... встретиться с людьми...

Ци Хань на секунду замер, потом наклонился ниже, губами задел край уха, лениво, с явным предупреждением:

— С кем?

— С Ци Чуанем.

Рука, только что убранный, тут же вернулась на место.

— Тогда не пойдёшь.

Фу Гэ рассмеялся, изогнулся, потянулся к его лицу, ухватил пальцами за нос, притворяясь удивлённым:

— Так ты уже не прикидываешься?

Он усмехнулся, в глазах плясала лукавая насмешка.

— Ещё недавно был настолько великодушен, что даже предлагал мне быть с Джомой, ради этого даже на свой же медовый месяц забил. А теперь вдруг никуда не отпускаешь?

— Теперь всё по-другому.

В голосе Ци Ханя скользнуло что-то совершенно беззащитное. Его ладонь крепче сжала тонкую талию, пальцы прошлись по коже, оставляя после себя горячий след.

— Теперь ты мой. И кроме Сяо Дзюэ, не хочу, чтобы кто-то тебя видел.

Фу Гэ изогнул бровь, притворно нахмурился, будто раздумывая:

— Хм... Жёсткие правила.

Он сделал паузу, лукаво глядя на него исподлобья.

— А если это просто старший брат?

— Брат? — Ци Хань замер на мгновение, в его голове пронеслось тысяча мыслей, разом, стремительно, но он быстро взял себя в руки.

— Гэ, ты же понимаешь, о чём я спрашиваю... — его голос стал ниже, но в нём читалась неприкрытая ревность.

Фу Гэ медленно выдохнул, на секунду задумался, потом неторопливо, со вкусом произнёс:

— Он мой приёмный брат.

— Что?

— Его дед, Ци Лао, был крестным моего отца. Так что формально он мой крестный брат. А значит... твой шурин.

Ци Хань вытаращил глаза. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— То есть... то есть вы... — он запнулся, глаза вспыхнули, дыхание сбилось, и он чуть не подавился собственными словами. — Вы никогда... даже не думали... жениться?

Фу Гэ посмотрел на него, помолчал, потом спокойно, совершенно беззастенчиво сказал:

— Думал.

— В моём первоначальном плане на 11 марта было две церемонии.

— Утром я бы устроил фиктивную свадьбу с Ци Чуанем. Ты был бы моим шафером. Ты бы сам провёл меня по этому чёртову проходу, подвёл к нему и передал ему мою руку.

— А днём... — голос его дрогнул, но он продолжил, упрямо, словно заученный текст. — Днём я бы запер тебя в той же самой комнате, в которой ты держал меня. И в соседней комнате включил бы тебе запись. Чистую, кристально ясную запись, где слышно каждое движение, каждый вздох.

— Я бы сказал, что это я с Ци Чуанем.

— А вечером...

Он на секунду замолчал.

Глаза, полные слёз, изогнулись в горькой улыбке, дрожащий уголок губ предательски дрогнул.

— Если бы ты вообще дожил до вечера, я бы пришёл к тебе, последний раз. Сказал бы, что всё, во что ты верил, — ложь. Что твоя любовь, твои воспоминания — всего лишь иллюзия, что я никогда тебя не любил.

— И когда бы ты, наконец, сломался, мы бы оба легли в один гроб.

Голос осекся. Фу Гэ сжал губы, упрямо моргнул, глотая подступившие слёзы.

— Но я не смог.

— Я даже первый шаг не смог сделать.

Он так долго убеждал себя, что справится. Что его сердце давно застывшее, каменное, непробиваемое.

Чтобы не оставить себе ни малейшего шанса на слабость, в последние дни он даже не пил лекарства, которые должны были успокаивать его сознание.

Ци Хань тогда потерял над собой контроль из-за инстинктов. Значит, он тоже имел право на безумие.

Но в тот момент, когда нужно было сделать первый шаг, в тот момент, когда всё должно было наконец сойтись в единую точку — он вдруг понял.

Ци Хань, сломленный и обезумевший, сумел разрушить его жизнь. А он, сломленный и обезумевший, даже не мог взять в руки шприц.

— Я не понимаю... — он лежал, закрыв лицо ладонью, голос дрожал, пальцы дрожали, всё тело будто било мелкой дрожью. — Я просто не понимаю... Почему... Почему ты был так жесток.

Фу Гэ никогда не был слабым. Он никогда не жаловался, никогда не ныл, не цеплялся за прошлое.

Но есть одна вещь, которую он никогда не мог простить.

— Я мог бы пережить всё.

— Мог бы пережить унижения, ложь, предательство.

— Но не от тебя.

— Но не от того, кого я любил.

— Ты... ты просто взял... и разорвал меня на части.

Ци Хань чувствовал, как в груди что-то тупо ноет, медленно, болезненно, будто ржавый клинок воткнулся в самое сердце и остался там навечно, проржавел, став частью его тела, частью его боли.

Горячие слёзы текли по лицу, стекали по скулам, застывали на губах. Он сжал Фу Гэ в объятиях, крепко, почти отчаянно, уткнувшись лицом в его плечо.

— Прости... Прости, малыш... Прости...

Он не пытался оправдываться. Он мог только повторять снова и снова эти три жалких слова, не имея права ни на что большее.

Фу Гэ обнял его за шею, тёплый, доверчивый, прижался щекой, тихо потерся, будто успокаивая.

— Я не говорил это, чтобы разорвать старые раны.

Он медленно провёл ладонью по его лицу, заставляя посмотреть в глаза.

— А-Хань, всё позади.

— Всё, что было... я отпустил.

— У нас впереди целая жизнь. Давай просто будем счастливы.

— Давай ты снова станешь моим мистером Мишкой, а?

Ци Хань дрожал.

Он обнимал его так, как будто боялся, что если ослабит хватку хоть на секунду — потеряет навсегда.

Забравшись рукой на тумбочку, он на ощупь нашёл маленькую стеклянную печать в форме медведя, ту самую, что столько лет была для них символом.

Пальцы дрогнули, когда он поднёс её к своей шее и аккуратно приложил к железной линии над артерией, туда, где в идеальном мире давно должен был стоять его единственный метка.

— Поставь её...

Фу Гэ медленно провёл пальцами по стеклу, надавил чуть крепче, отпечатывая силуэт мишки на его коже.

Ци Хань взял её обратно.

Поднёс к животу Фу Гэ, туда, где тонкий, едва заметный шрам от той операции всё ещё напоминал о прошлом.

Аккуратно, нежно приложил туда печать.

— Пять лет назад... из-за меня... мы потеряли единственный шанс на связь, которая была бы нерушимой.

Он медленно наклонился, прижался губами к этому шраму, провёл языком по коже, словно смывая боль прошлого.

— Теперь... всё по-другому.

— Этот мир, следующая жизнь, жизнь после неё — ты принадлежишь мне.

— Мистер Мишка... он всегда будет твоим.

Он присягнул Фу Гэ той любовью, что не знает срока, что горит, как северное сияние над ледяной пустошью — диким, чистым, невозможным синим огнём, пронизывающим мир насквозь.

<http://bllate.org/book/14453/1278355>